

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Приисковый мальчик

(Сказки и рассказы для детей)

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0012
III.....	.0021
IV.....	.0028

Приисковый мальчик

Для Ермошки последний ильин день останется навсегда в памяти, как день удивительных приключений и еще более удивительной его собственной, ермошкиной, изобретательности.

По праздникам Ермошка обыкновенно околачивался у приисковой конторы или господского дома. Своя казарма пустовала, потому что рабочие расползались в разные стороны и возвращались домой только к утру, если были в состоянии это выполнить. Ермошка тоже слонялся целый день на полной своей воле и, по примеру больших рабочих, приносил с такого праздника подбитый глаз или какое-нибудь другое праздничное увечье.

На прииске Любезном ильин день праздновался особенно широко, потому что главная шахта называлась «Ильинской».

Итак, ильин день наступил. Ермошка проснулся, по обыкновению, рано, но провалялся на своей наре лишний час, благо сегодня ему не нужно «гонять барабан». В отворенную дверь казармы заглядывало горячее,

летнее солнце, так что глазам было больно. Первым делом Ермошка сбегал к ближайшей выработке и приблизительно умылся, т. е. размазал по лицу полосами яркожелтую приисковую глину. Затем он надел новую ситцевую рубаху, плисовые порыжелые шаровары, пригладил скатавшиеся копной волосы на голове и почувствовал себя окончательно в праздничном настроении. Возвращаясь через казарменную кухню, Ермошка воспользовался отсутствием зазевавшейся артельной стряпки Леканиды и стянул порядочную краюху пшеничного хлеба, которую и спрятал с ловкостью записного вора под нары.

— Ах, ты, пес! — крикнул на него лежавший на печи старик Осип, служивший шорником. — Вот уж я скажу Леканиде-то, так она те расчешет башку-то...

Ермошка запустил в старика валявшимся на полу старым лаптем и ретировался. Покрытое веснушками и загаром скуластое лицо Ермошки дышало завидным здоровьем, а серые глаза смотрели с откровенным нахальством настоящего приискового мальчишки, выросшего в рабочей казарме без всякого

призора.

Позавтракали сегодня рано, потому что народ торопился разойтись по промыслам, и многие не обещались вернуться даже к обеду. Нахлебавшись щей из толстой крупы с забелкой из сметаны, Ермошка отправился в поход вместе с другими.

Стряпка Леканида, конечно, хватилась недостававшей краюшки, но махнула рукой на разбойника: за обедом раскроется хлебом, который останется от загулявших рабочих. Да и то сказать, Леканиде было не до Ермошки, — она торопилась поскорее убраться у печи, чтобы отвести свою приисковую душеньку на гулянке.

Прииск Любезный занимал большую площадь, перерезанную с угла на угол болотистой речонкой Шабейкой. Издали и вблизи общая картина имела совсем унылый вид: плоская болотистая равнина, тощий болотистый лесок, грязные дорожки, и кое-где громадные выработки и целый ряд приисковых построек. Рабочая казарма, в которой жил Ермошка, стояла уже на борту выработавшейся золотоносной россыпи, — работы были ото-

двинуты чуть не за версту. До Приисковой конторы от казармы было с версту. На пути стояла знаменитая Ильинская шахта, давшая владельцу Любезного больше пятидесяти пудов золота; снаружи деревянный корпус, защищавший шахту, ничего особенного не представлял — деревянный сарай с высокой железной трубой, и больше ничего... Железная труба вечно дымилась, потому что паровая машина день и ночь откачивала тяжелую и холодную «рудную» воду. Она же вертела стальные бегуны, дробившие кварц в каменную муку. Каждый уголок на прииске был известен Ермошке, как свои пять пальцев; он и песок с россыпи возил по железной дороге на машину, и у паровых котлов ходил, и на машине состоял, и канавки для воды проводил, а теперь «гонял барабан», т. е. целый день ездил на паре лошадей кругом громадного деревянного барабана, на который наматывалась снасть, «выхаживавшая» из шахты бадью с породой или «пустяком». Проходя теперь мимо своего пустовавшего по-праздничному вагона, Ермошка лихо свистнул на невидимых лошадей, — свистел он ухарски, так что

непривычный человек вздрогнет.

— Гли-ко робя, это что у конторы! — крикнул Ермошка, вглядываясь вперед. — Никак гости приехали...

Не дожидаясь ответа, Ермошка уже летел вперед на всех рысях, так что сверкали только его голые пятки. Надо было поспеть вовремя и разузнать, кто приехал, откуда и зачем. Чужие люди редко показывались на Любезном и являлись жертвой неудержимого любопытства Ермошки. Он еще издали заметил, что приехавшие были люди необычные. У подъезда господского дома понуро стояла старая сивая лошадь, запряженная в странной формы повозку, — это были простые дроги с плетеным кузовом, защищенным от враждебных стихий парусиной. Так никто на промыслах не ездил... На крылечке стоял, вытянувшись в струнку, швейцар и осторожной хозяйна, по прозванию Гусь, а перед ним без шапки переминался с ноги на ногу какой-то бритый человек с длинными усами. Из экипажа выглядывало бледное женское лицо.

— Сами Вукул Ефимыч приказали, — повторял бритый человек, — так как они виде-

ли нашу игру и весьма одобряли... Да. Мы в Елковском заводе представление имели для почтеннейшей публики, и господин Вукул Ефимыч тогда же удостоили нас своим вниманием и приказали приехать на Любезный.

Гусь подозрительно оглядывал с ног до головы бритого человека и отрицательно качал головой, что в переводе означало, что не может этого быть.

По воровской привычке, Ермошка не подошел к крыльцу прямо, а предварительно обошел кругом экипаж и заглянул под парусину. Повозка оказалась нагруженной доверху какими-то ширмами, крашеными палками и подозрительными узлами. Поторговавшись для важности с бритым человеком, Гусь ушел в господский дом и на всякий случай запер за собою дверь на крючок. Бритый человек подошел к повозке и ласково сказал бледной женщине.

— Все отлично... Вукул Ефимыч дома. А холуй еще ломается...

Появившийся на крыльце Гусь поманил бритого человека, и они скрылись в подъезде.

— Тетенька, вы кто такие будете? — освещен

домился Ермошка, заглядывая под парусину.

— Мы комедию будем представлять...

— Какую комедь?!

— А вот увидишь...

— Где?

— Здесь. Палатку поставим и будем представлять... Если хочешь посмотреть, так припасай гривенник.

У Ермошки захватило дыхание от этого известия, и он сразу сообразил все. Шорник Осип видел, как комедию ломают... Вот так штука! Гусь и бритый человек вышли снова на подъезд уже совсем приятелями. Вукул Ефимыч приказали всячески способствовать приехавшим комедьщикам.

— Комедьщики приехали... комедьщики!.. — кричал Ермошка, бросившись сначала к корпусу служащих, а потом обратно к своей казарме. — Комедьщики!..

Центр Любезного прииска составляла его приисковая контора с господским домом, корпусом для служащих, амбарами, конюшнями и разными другими приисковыми постройками. Маленькая, неправильной формы площадка разделяла их, точно заплата, пришитая неумелой рукой. Вот на этой площадке бритый человек и принялся за дело. Прежде всего он воткнул в землю большой шест с красным флагом и пестрой афишей, гласившей, что мосье Пертубачио имеет честь известить почтеннейшую публику о своем благополучном прибытии. Далее следовали некоторые подробности: мосье Пертубачио, изучивший черную и белую магию, покажет чудесные явления из мира таинственного, будет глотать горящий огонь и шпаги, представит опыт индийского чревовещателя, олимпийские игры, всевозможные фокусы и в заключение всего знаменитую воздушную фею мисс Санта-Анну, или «бюст женщины, одобренный многими высокими особами». Гусь был прикомандирован на помощь мосье Пер-

тубачио и с обиженным видом смотрел, как тот быстро устраивал свою походную палатку из заплатанной парусины. Около этого походного сооружения собралась целая толпа и впереди всех, конечно, пожираемый любопытством Ермошка.

— Вот так немец!.. — слышались одобрителные возгласы. — Ловко приспособился...

— Ви не мешайт мой... — бормотал мосье Пертубачио искусственно ломаным языком, отодвигая напиравшую толпу. — Мой будет давать морда... Доннерветтер!.. Мальчишка, долой, каналья!

Особое внимание мосье Пертубачио обратила на себя стоявшая недалеко от палатки сухая береза. Он несколько раз подходил к ней, пробовал ее и качал недоверчиво головой, — береза была гнилая и не выдерживала напора его рук.

— Проклятая шволочь!.. — бормотал мосье Пертубачио, оставляя в покое гнилую березу.

Все эти таинственные приготовления совершались чуть не целый день. Когда палатка наконец была готова, мосье Пертубачио торжественно вывесил по обеим сторонам

входной двери две картины, — на одной изображен был он сам, глотающий огонь, а на другой мисс Санта-Анна, или бюст женщины. Возбужденному приисковому любопытству не было меры и границ. Невозмутимый Гусь был приставлен охранять палатку от нескромного любопытства приисковой публики.

Представление было назначено в шесть часов вечера, когда хозяин прииска Вукул Ефимыч Злобин соснет после обеда. Это была целая вечность для нетерпения Ермошки. Он позабыл о своем обеде и не отходил от палатки ни на шаг. Вдруг он уйдет и представление начнется без него... Мосье Пертубачио закусил что-то с своей воздушной феей и тоже прилег отдохнуть.

Ермошка ужасно беспокоился и в каждом новом человек видел своего кровного врага, который займет именно его место. Палатка была невелика, негде кошки за хвост повернуть, а народ все прибывал.

— Тише вы, галманы! — как-то шипел на всех Гусь. — Вукул Ефимыч изволят почи-вать... Право, варначье!..

Так как всему на свете бывает конец, то и Вукул Ефимыч изволил наконец проснуться. Гусь был отозван в господский дом и получил строгий наказ стоять все время представления у палатки и наблюдать, чтобы «не было худых слов». Вукул Ефимыч шел на представление с собственной супругой, потом будут жены служащих и наконец девицы, а народ праздничным делом пьяный.

— Ты у меня смотри, каналья! — предупредил Вукул Ефимыч и многозначительно погрозил верному Гусю своим опухшим от жира пальцем. — Понимаешь, будут барышни.

— Могу соответствовать вполне, Вукул Ефимыч...

Представление началось с того, что мосье Пертубачио вышел из своей палатки с медной трубой и затрубил, а потом ударил в барабан. У Ермошки дух захватило от волнения: начиналось что-то необыкновенное. Когда замерла последняя трель барабана, в палатке захрипела походная разбитая шарманка, над которой трудилась мисс Санта-Анна. Мосье Пертубачио выставил у входа небольшой деревянный столик, раскрыл деревянную шка-

тулку и принялся продавать билеты.

— Каспада, пожалуйста... — повторял он, раскланиваясь с почтенной публикой. — Сегодня на деньга, завтра в долг...

Первым покупателем явился Ермошка. Мо-сье Пертубачио внимательно осмотрел поданный пятиалтынный, попробовал его на зуб и, подозревая Гуся, проговорил:

— Фальшивая монета.

— Ах, ты, варначонок!..

Космы Ермошки очутились в могучей длани Гуся, и его маленькое грешное тело показилось к ногам мирно дремавшей сивой кобылы... Гусь давно уже заметил вертевшегося у палатки Ермошку и инстинктивно почуял в нем своего врага. Ермошка, нужно сознаться, был порядочно обескуражен таким неблагоприятным началом, хотя и знал, что его «монет» фальшивый. Неужели он так-таки ничего не увидит?.. Нет, это было ужасно... Целый день ждать и ничего не увидеть? Ермошка сильно задумался и готов был разреветься с горя. Но шарманка играла, барабан опять бил, и время даром терять не приходилось. В палатку уже прошли двое служащих с женами,

потом барышни и наконец сам Вукул Ефимыч с собственной супругой. Это было сигналом для остальной публики, бросившейся покупать билеты нарасхват.

Ермошка совсем упал духом, когда представление началось, а он, Ермошка, остался за палаткой. Мальчик просто сторал от любопытства, готов был расплакаться. Машинально он несколько раз обошел палатку, стараясь не попадаться на глаза Гусю. А в палатке, видимо, творились чудеса, и публика хохотала неистово. Случайно Ермошка обратил свое внимание на большую заплату в задней стенке палатки. Отодрать ее и проделать небольшое отверстие для него было делом нескольких секунд, и вот все чудеса перед ним. Ермошка видел теперь всю публику: впереди всех сидел Вукул Ефимыч с супругой, за ним сидели служащие со своими семьями, а назади стояла на ногах остальная черная публика. Сцену заменял подержанный тюменский ковер, на котором мосье Пертубачио показывал свои фокусы: глотал зажженную паклю, играл на кофейнике и в заключение взял золотые часы Вукула Ефимыча и истолок их вдре-

безги в медной ступке. Мисс Санта-Анна подавала ему необходимые вещи и несколько раз заслоняла своей широкой спиной поле зрения Ермошки. Когда мосье Пертубачио подал Вукулу Ефимычу совсем целые часы, Ермошка расхохотался до слез и должен был на время оставить свой наблюдательный пост. Но это проявление искренней детской радости чуть его не погубило: когда Ермошка опять заглянул в свою дыру, воздушная фея Санта-Анна ткнула в нее чем-то так, что он едва успел отскочить.

— У, дьявол! — ругался Ермошка, отскочив. — Прямо в глаз метила, окаянная душа...

У Ермошки явилась счастливая мысль достать палку и ткнуть ею прямо в спину проклятой мисс Санта-Анне. Половина этого плана была приведена в исполнение, но когда Ермошка подошел к своей дыре, то знакомая уж ему длань Гуся ухватила его за волосы и распростерла ниц. Визг Ермошки совершенно потерялся в шумных проявлениях восторга благодарных зрителей.

— Ты у меня, сибирская язва, смотри! — грозно шипел Гусь, отгоняя Ермошку от па-

латки пинками.

Что было делать? Теперь уже нельзя было к палатке подойти, потому что проклятый Гусь сторожил его. Скрепив сердце, Ермошка вменялся в толпу и очутился под березой. Взлезть на нее было делом нескольких минут. Публика, толкавшаяся у палатки, одобрила предприятие Ермошки, так что даже преследовавший его Гусь теперь был бессилен и только издали погрозил вороватому врагу кулаком. Ермошка торжествовал. Ермошка был выше всех и видел решительно все, а представление у него шло на глазах: было видно решительно все, даже то, чего не видела заплатавшая деньги публика. Мосье Пертубачио глотал шлагги, показывал опыты чревоущания, опять глотал зажженную паклю и наконец заявил, что покажет «бюст женщины». Предварительно он загородился от публики красной ширмочкой, потом поставил за ширмочкой тот самый столик, на котором давеча продавал билеты, посадил на него свою воздушную фею, вытащил откуда-то несколько зеркал — Ермошка все это видел и замер от восторга. Когда волшебная ширмочка раскры-

лась, мисс Санта-Анна видна была только по поясу, и любопытные могли с ней разговаривать и даже ощупать ее, как предлагал мосье Пертубачио, чтобы убедиться, что это не кукла, а живой человек. Ермошка до того вытягивался, стараясь разглядеть, куда спрятаны ноги мисс Санта-Анны, что гнилая береза не выдержала и рухнула вместе с ним прямо на палатку...

Можно себе представить смятение почтеннейшей публики, произведенное падением Ермошки. Когда березу убрали и публика немного пришла в себя, первым делом естественно явился вопрос о Ермошке, но приисковый мальчик точно сквозь землю провалился. Мисс Санта-Анна припоминала, как во сне, что старалась схватить этого разбойника за волосы, но он ловко бросился к ней под ноги, уронил ее и исчез. Вукул Ефимыч потребовал ответа от Гуся, как лица, облеченного специальной доверенностью, но Гусь только размахивал руками и ругался.

— Ну, я с тобой рассчитаюсь после, — грозился Вукул Ефимыч, показывая Гусю кулак. — Пошел вон, дурак!..

После этого невольного антракта представление продолжалось. Гусь попрежнему стоял у входа, вытянувшись в струнку, и его душа кипела негодованием. Только бы увидеть ему этого подлеца Ермошку, и он показал бы ему...

А Ермошка был тут, всего в двух шагах. Он

укрылся под «парадным» крыльцом господского дома. Здесь он прежде всего привел в порядок свой праздничный костюм, вытер нос и принялся наблюдать, что делает проклятый Гусь. Стоило выглянуть Ермошке из своей засады, как Гусь сейчас же накрыл бы его. Необходимо было ждать... Ермошке сделалось грустно. Другие веселятся, мисс Санта-Анна вертит свою шарманку, мосье Пертубачио выкидывает все новые колена, а он, Ермошка, должен сидеть для праздника под крыльцом.

Да, музыка гудела, на площадке галдел по-праздничному приисковый люд, а Ермошка выглядывал из своей дыры, как мышонок. Ближе всего к нему стояла повозка мосье Пертубачио с привязанной к ней сивой лошастью.

Летний день быстро догорал. Солнце багровым шаром опустилось за разорванную линию обступившего со всех сторон прииск Любезный леса. Быстро надвигались короткие летние сумерки. Ближайшее болото точно задымилось белым туманом. Мосье Пертубачио в третий раз протрубил в свою трубу и с изящным поклоном объявил публике, что

сейчас начнется последнее действие его представления, именно живая картина или полет воздушной феи мисс Санта-Анны. Раскланявшись грациозно, мосье Пертубачио удалился из палатки: ему нужно было переодеться. Он отыскал свой экипаж и быстро принялся за дело. Прежде всего мосье Пертубачио, конечно, снял свой пиджак и жилет, а затем остальные принадлежности своего костюма. Свернув все это одеяние, он сунул его под беседку экипажа, а на себя натянул заштопанное и довольно грязное трико. Вся эта операция хотя и совершалась в темноте, но от волчьего глаза Ермошки не ускользнуло ничего, до мишуры и блесков костюма комедьщиков включительно. Вслед за мосье Пертубачио переоделась и мисс Санта-Анна, являвшаяся теперь главным действующим лицом. Она была в короткой кисейной юбочке, в трико телесного цвета и с восхитительно-голыми руками. Мосье Пертубачио подхватил ее за руку, и они легкими прыжками вернулись в палатку.

Пользуясь темнотой, Ермошка вылез из своей засады, огляделся и подошел к экипажу. Сивая лошадь проснулась и посмотрела

на него усталыми добрыми глазами. Прежде всего Ермошка запустил руку под беседку, извлек оттуда только что снятый костюм мосье Пертубачио и сделал быстрый обыск. Его внимание заняли главным образом штаны комедьщика, т. е. карманы оных. Нащупав портмонэ, Ермошка извлек его, сунул за пазуху, а потом привел все вещи в порядок и сейчас же исчез в темноте, как известно, специально благоприятствующей влюбленным и ворам.

Последнее действие произвело необыкновенный эффект, так что бледная мисс Санта-Анна даже не покраснелась от быстрых движений и общего внимания. Она грациозно раскланивалась, прижимала обе руки к сердцу и посылала воздушные поцелуи. Мосье Пертубачио тоже кланялся, счастливый тем, что мог заработать целых семь рублей двадцать копеек.

Улыбающаяся и счастливая чета грациозными прыжками вернулась к своему экипажу, чтобы переодеться. Можно себе представить изумление и ужас мосье Пертубачио, когда он, облекшись в свою походную пару, не нашел портмонэ. В первую минуту несчаст-

ный онемел... А мисс Санта-Анна, возбужденная успехом, сладко улыбалась. Как ему тяжело было огорчить свою верную подругу...

Первым движением мосье Пертубачио было броситься за помощью к Гусю, который отдыхал после тяжелого дня на своем крылечке. Мосье Пертубачио объяснял ему свою историю шопотом и все сбивался, так что Гусь заподозрил его сначала во лжи и глубокомысленно молчал.

— Ведь семь цалковых! — повторял мосье Пертубачио, опускаясь в изнеможении на лесенку. — Нюта радуется, а я не могу ничего выговорить.

Гусь только что хотел сказать несколько теплых слов по адресу шляющихся комедьщиков, которые только беспокоят добрых людей, как вдруг мосье Пертубачио, тот самый Пертубачио, который сгибал в пальцах двухгривенные, схватил руками собственную голову таким движением, точно хотел ее оторвать, как совсем ненужную вещь, и... заплакал. Это безмолвное проявление искреннего горя, с одной стороны, тронуло Гуся, а с другой, для него сделалось ясным решительно

все.

— Ах, он, варнак!.. а? Ах, подлец! — шипел Гусь, поднимаясь. — Некому другому этого сделать, как ему...

— То-то я смотрю: все вертелся на глазах, как бес, а тут сразу сгинул... Его дело!..

— Чье?

— Ну, варнак этот, который с березы на публику сверзился... Ах, ирод!..

— Я его не видал...

— И я тоже... Понимаешь ты, мосье: некому больше!.. Все вертелся на глазах, а тут пропал... Он!.. С живого кожу сдеру...

Гусь поднялся с решительностью убежденного человека, сделал знак мосье Пертубачио и повел его за собой. Скоро они скрылись в темноте. Комедьщик покорно следовал за своим мрачным путеводителем, шагая через какие-то ямы, запинаясь за камни, точно пьяный.

— Ведь семь рублей... — повторял он упавшим голосом. — А она так беззаботно улыбается... И руками тянется ко мне... Если она узнает, это ее убьет. Понимаете: она нервная... Я, я-то как отлично сегодня работал:

сейчас еще каждая косточка ноет.

Небо покрылось неизвестно откуда на-ползшими облаками, точно войлоком. Нигде не светилося ни одной звездочки. Летний жаркий день быстро сменился прохладой на-двигавшейся грозы, которой уже пахло в воз-духе. Гусь несколько раз смотрел на небо, прислушивался к чему-то и наконец прогово-рил:

— Быть грозе... На то тебе ильин день. Уж это завсегда так... Нонче Илья-то маненько за-поздал.

Точно в ответ на эти слова вверху ярким изломом бросилась молния, а, после корот-кой паузы, тяжелым раскатом ударил гром.

— Господи, прости нас, грешных! — кре-стился Гусь.

IV

В казарме едва светился замиравший огонек, — это играли в три листа неутомонные приисковые забулдыги, ставя на карту последние гроши. Остальные давно спали на нарах, раскинувшись в самых непринужденных позах. На печке спал старый шорник Осип, а за печкой на лавочке прикурнула подгулявшая приисковая стряпка Леканида. Намаялась она за день, а потом бабьим делом выпила. В заключение гулянья ее больно поколотили и пообещали совсем порешить, если бы она неубежала в темноте. Каждый праздник нещадно колотили Леканиду, и каждый праздник она горько каялась в своих делах и давала зарок, что это уж последний раз, и что больше она даже не посмотрит глазом ни на одного проклятого мужика.

— Эй, вы, челдоны! — крикнул Гусь, входя в казарму. — Где тут у вас парнишка?

Игроки даже не удостоили ответом грозное начальство, продолжая свое дело.

— Вам говорят, омморошные! — еще грознее крикнул Гусь.

Никто не шевельнулся и не повернул головы. Гусь величественно стоял у двери, а за ним мосье Пертубачио, подавленный своим горем.

— Какого тебе парнишку? — откликнулась из запечья Леканида.

— А того самого... Ермошкой звать.

— Тут где-нибудь спит, — сонно ответила Леканида, зажигая сальную свечу. — Ужо вот я посвечу...

Розыски начались при колебавшемся свете сальной свечи. Леканида обошла все нары — Ермошки нигде не было. Было осмотрено помещение под нарами — тоже.

— Куда бы ему деться? — удивлялась Леканида, стараясь не смотреть на беспомощно распростертые мужицкие тела. — Да вам-то на что его?

— Уж это наше дело, — строго ответил Гусь. — Ну-ка, краля, посвети на печь...

— Осип там спит, шорник... Нemoжется ему, объяснила Леканида, шагая к печи. — Кужину только прибег Ермошка-то, наголодался за день, как пес, а потом свернулся — только его и видела.

На печке, действительно, спал шорник Осип, а за ним сам Ермошка. Гусь схватил его за голую ногу и сонного поволок прямо на пол.

— Тебя-то и надо, молодца! — грозно крикнул Гусь, встряхивая заспанного Ермошку.

Ермошка ничего не понимал и только смотрел кругом заспанными глазами. Гусь ощупал его, слазил на печку, пошарил там — ничего.

— А где у него сундук? — опрашивал Гусь, огорченный этой неудачей.

— Никакого и сундука нет, — ответила Леканида, сообразившая, в чем дело. — Весь тут: рубаха на ём да штаны. Никакого сундука нет.

Гусь схватил Ермошку за руку и поволок из казармы. Мальчик упирался изо всех детских сил, пробовал укунить руку Гуся, но все напрасно.

Ермошка очнулся за пределами казармы и понял, что все кончено. Гусь куда-то тащил его за руку, а мосье Пертубачио подталкивал сзади коленом. «Убьют меня в лесу», — мелькнуло в голове у Ермошки, и он попробовал за-

кричать благим матом. Но и эта последняя попытка не помогла, потому что Гусь закрыл ермошин рот своей широкой ладонью. Они молча отвели пленника от казармы и остановились.

— Сказывай, куда дел деньги? — рявкнул Гусь, подняв Ермошку за волосы.

— Дяденька, вот те Христос, не бирал!.. знать не знаю!.. — вопил Ермошка, отчаянно болтая ногами.

— А вот узнаешь!.. Мосье, держи его за ноги.

Ермошка был повергнут на землю, и Гусь с ожесточением принялся его лупить сломанной по пути розгой. Отчаянный вопль огласил лес и жалко замер.

— Не знаешь? — спрашивал Гусь, делая небольшую передышку.

— Ничего не знаю... вот сейчас провалиться...

— Мосье, теперь ты катай его, а я подержу за ноги, — решил Гусь.

Экзекуция началась с новой энергией, и новый вопль Ермошки опять замер в окружавшей темноте. Ермошку били так часто и

много, что он перенес бы это истязание, но его испугала ночь, окружавшая темнота и его полная незащитность. Что стоило рассвирепевшим мужикам убить его, а потом бездыханное ермошкино тело бросить куда-нибудь в шурф. Эта мысль заставила Ермошку сделать признание.

— Давно бы так, — другим тоном проговорил Гусь. — Куда деньги-то запрятал, пес?

Ермошка сообразил: ему нужно было выиграть время и место. Разгорячившись, мужики запороли бы его насмерть, да и место самое глухое.

— Под крыльцом в землю закопал... — признался Ермошка, лежа на земле. — У господского дома под крыльцом.

— Ну, смотри, ежели надуешь, так я тебя в порошок изотру, — пообещал Гусь. — Под крыльцом, говоришь?

— В уголке закопал.

По дороге к господскому дому Гусь наломал розг и очистил их от листьев.

— Отдай мои семь рублей, — говорил мосье Пертубачио, подталкивая Ермошку ногой. — Я тебе пряников куплю...

В господском доме окна были еще ярко освещены, когда Ермошка очутился на месте преступления.

— Ну? — коротко буркнул Гусь, когда они подошли к крыльцу. Ермошка осмотрелся и полез под крыльцо. Гусь тоже растянулся на земле, хотя и не мог залезть в узкую дыру. Несколько времени Ермошка копал землю, а потом заявил шопотом:

— Дяденька, кто-то утащил портмонет-то!..

— Что-о! Ах, ты, подлец... да я...

Гусь никак не мог залезть под крыльцо и только болтал ногами, а Ермошка, воспользовавшись удобством своей неприступной позиции, заревел таким благим матом, что сбежались не только все из господского дома, но и из корпуса служащих. Гусь был сконфужен... Вукул Ефимыч сам принялся за разбор дела и, когда узнал все подробности, залился неудержимым хохотом: уж очень ловко все было оборудовано.

— В штанах, говоришь, портмонэ был? — спрашивал он растерявшегося мосье Пертубачио. — Пришел, надел штаны, а портмонэ-то и нет.... Ха-ха-ха!.. Дудил в трубу, представлял,

а денег и нет? Ох, уморил... Ну, и ловок Ермошка! Как вы его, черти, насмерть не забили в лесу-то!

Развеселившийся Вукул Ефимыч заплатил мосье Пертубачио красненькую «за хлопоты», а Ермошку велел отпустить с миром. Когда Гусь рассказывал о подвигах Ермошки, весь господский дом покатывался со смеху. Вукул Ефимыч был доволен и велел покормить комедьщиков ужином.

Когда на другой день мисс Санта-Анна проснулась, первое, что ей бросилось в глаза, была сивая лошадь, — она понуро и сконфуженно посмотрела на нее своими добрыми глазами. Великолепный сивый хвост был отрезан начисто... Кто это сделал — всем было ясно, как день.